

Елизавета ПОЛЕЕС

*По-прежнему
не страшно мне*

* * *

Все думают, что я — волшебница,
И пылкие мне дарят взгляды.
А я — то злая привередница,
То своевольная наяда.

Все думают, что я — искусница,
Плету стихи узорной вязью.
А я — всего-то лишь распутница:
Страстей распутываю связи.

И до сих пор в душе я — деточка,
По прошлым дням своим скиталец,
Где соблазнить меня конфеточкой
Друзья-враги не раз пытались.

Но существо непостоянное,
Изменчивое, как погода,
То бури развожу в стакане я,
То перекраиваю годы.

И бьются до последней клеточки
Во мне мечта и день вчерашний...
Так кто я? — Тонкой-тонкой веточки
Листок, пока что не опавший...

* * *

Мой поезд уехал и весело мчится,
Минуя поля, перелески, криницы.
И в ведро, и в дождик, и в зимнюю вьюгу
Быстрее и быстрее он несется по кругу.

Спешит, растеряв на бескрайних просторах
И боль, и надежду, и радость, и горе.
То вдаль ускользнет он, то мимо промчится,
То гору крутую осилить стремится.

И можно при встречах, слегка беспокойных,
Небрежно ему помахать вслед рукою.
А можно очнуться — и с грацией кошки
Азартно и дерзко вскочить на подножку.

* * *

Так много о любви сказавшая
И слез из-за нее пролившая,
И от потерь ее уставшая...
Ее печать считать мне лишнею?

Но тень ее со мной, не тесно ей.
И, если уж сказать по совести,
Все дни б мои казались пресными
Без строк ее печальной повести...

Рабом любви, ей заклеянная
И все на суд ее отдавшая,
Живу — одною ей спасенная...
И с ней по-прежнему не страшно мне.

* * *

День удлинял свои границы.
Ночь становилась все короче.
Слетались потихоньку птицы
Из стран далеких и не очень.

Стоял апрель. Тысячелетье
От Рождества Христова третье.
И весело шумели дети,
И день был солнечнен и светел,

И воробьи, ныряя с веток,
Слетались за кусочком булки...
Бродил весенний пьяный ветер
По улицам и переулкам...

* * *

От выдоха, от вылета, от вздоха,
От вдоха — полной грудью — бытия
Твоим была певцом и скоморохом,
Неласковая родина моя.

Твои я пела старые кварталы
И плач дождя, и тихий шум берез,
Ночные переулки и вокзалы,
В воде остывшей отраженья звезд.

В виденьях опрокинутого мира
Я так искала давней сказки тень!..
Но в западне неведомого тира
Была игрушкой для твоих затей.

Забав и игр оценивая шутку,
Тебя любила и еще люблю...
Верни же мне, страна, хоть на минутку
Несбывшуюся молодость мою.

* * *

Вот так и проходит юность.
Уже прошла.
Рывок. Обаянье. Лунность.
Размах крыла.

Полет. Восхищенье. Трепет.
Сиянье. Свет.
И этот влюбленный лепет.
Так было?.. Нет?..

Вот так и приходит старость —
Незванный гость.
Обиды. Растраты. Вялость.
Смятенье. Злость.

И ворох еще незрелых
Неспетых слов.
Но дальше все ангел белый
Несет любовь.

О том, что уже не спелось,
Что слезы лить?
На землю прийти — не смелость.
Здесь смелость — жить...

Геннадий АВЛАСЕНКО

Избранная Софратой

Роман¹

От автора

Плато Софрата и в самом деле имеется в Болгарии, и расположено оно неподалеку от реально существующего небольшого городка Смядово. На плоской вершине Софраты действительно случаются странные вещи: внезапно выходят из строя мобильники и прочие электронные приборы. Из-за различных аномалий сюда влечет туристов, а также ученых... Один шведский исследователь высказал предположение, что Софрата — это ворота для перехода в параллельное измерение, что и взял за основу романа автор. Курортный городок Свети-Влас — тоже реальное место, и добираются в него из России именно так, как и описано здесь.

И еще...

Мифические существа не придуманы автором, а почти все взяты из богатого болгарского фольклора. Как и образ Волка, легендарного гайдука, который скрывался когда-то со своим отрядом в лесистых окрестностях Софраты и грабил проходящие мимо турецкие купеческие караваны.

Глава 1

Софрата...

Это слово приснилось мне, хоть я и сама не понимала, как может присниться только слово. Скорее всего, мне приснилось другое, но, пробудившись, я, как это часто бывает, все позабыла. Остались лишь смутные и разрозненные воспоминания, и я без всякого сожаления выбросила бы их из головы, но вот слово...

Софрата...

Именно слово «софрата» являлось основой забытого сна, и что-то необычайно важное таилось в нем, этом коротком и совершенно непонятном мне слове.

Софрата...

Я встала, но легкое ощущение беспокойства и какой-то не вполне осознанной тревоги все никак не желало покидать меня. И даже радостное настроение от того, что я наконец-таки приехала на один из самых лучших курортов Болгарии, не смогло полностью заглушить неясные опасения.

— Ирка! — вполголоса позвала я, искоса поглядывая на кровать у проти-

¹ Журнальный вариант.

воположной стены, где из-под смятого в гармошку одеяла была видна взлохмаченная голова моей лучшей подруги. — Спишь?

— Сплю! — сонно отозвалась Ирка, накрывшись одеялом с головой. — А ты чего так рано всполошилась?

Я машинально взглянула на часы.

— Семь часов — это рано?

— Семь часов — это очень рано! — отозвалась Ирка. — И вообще, не мешай спать!

— Спи, кто тебе мешает?

Стараясь не потревожить подругу, я накинула на плечи халат и вышла на балкон. Стала смотреть на море, тем более, что вид с нашего третьего этажа был просто великолепный.

Итак, мы в Болгарии! Не верится даже!

Посетить эту страну мы с Иркой собирались два года. Даже два с половиной, если честно. Но в позапрошлый курортный сезон нас подвели финансовые проблемы, а прошлой весной Ирка ухитрилась споткнуться на ровном месте и сломать лодыжку. И только этим летом все у нас получилось как надо. Еще и приехали в августе — самом начале бархатного сезона!

Позади меня негромко скрипнула дверь, и на балкон выползла Ирка. В том же виде, как и спала, совершенно голая. И, конечно же, с неизменной утренней сигаретой в зубах.

— Разбудила, блин! — буркнула подруга, щелкая зажигалкой. — А ты что тут разглядываешь?

— Кавалеров! — пояснила я. — Да вот не видно что-то!

— Ничего! — медленно проговорила Ирка, одновременно выпуская из рта сизые колечки дыма. — Увидят меня в неглиже — мигом сбегутся!

Я ничего не ответила, и тогда она добавила осуждающе:

— Зря мы сюда приехали! Говорила же, на «Солнечный берег» надо! Или, хотя бы, на «Золотые пески»... Так нет же, ты всегда на своем настояишь!

Надо сказать, Ирка меня почти уговорила на «Золотые пески», и хорошо еще, что знающие люди вовремя отговорили: не очень хорошая слава закрепилась за соседним курортом... Впрочем, Ирке моей как раз горяченькое и подавай, скучно ей в Свети-Власе стало, видите ли! Тихое и спокойное место, идеальное для отдыха семейных пар с детьми...

Подруге совсем не подходит.

А вот для меня в самый раз.

Добрались мы с Иркой сюда на удивление благополучно при ее удивительной способности влипнуть во все мыслимые и немыслимые неприятности. Сначала самолет доставил нас в международный аэропорт Бургаса, на выходе из здания нам вежливо указали, где останавливается автобус, который почти сразу же и подошел. Чуть позже мы пересели на другой, с табличкой «Слънчев бряг».

А вот до пункта назначения мы ехали почти час, я даже немножко подремать успела. Тем более, что Ирка не трещала без умолку, как обычно, а нацепила наушники и слушала забойную, с ее точки зрения, музыку. Зато потом она больно ткнула меня локтем в бок и рывкнула в самое ухо:

— Вставай, прибыли!

— Куда? — не сразу сообразила я, потому что подруга своим дурацким локтем перебила мне весьма занимательный сон.

— На «Солнечный берег» прибыли! — уже тише проговорила Ирка, снимая наушники. И тут же добавила весьма язвительным тоном: — Туда, куда ты меня не пустила!

— Не пустила и правильно сделала! — отозвалась я. — И ты еще меня благодарить будешь за этот... как же его...

— Свети-Влас! — буркнула Ирка, героически подхватывая оба чемодана. — Вон, кстати, и наш автобус!

И теперь мы с подружкой прибыли в небольшой курортный городок со странноватым названием «Свети-Влас», как гласила табличка на автобусе. Наш отель «Южные ночи» оказался небольшим, но довольно уютным. Семья его владельца лично встретила нас у входа. Нужно было бы хоть чем-то угостить эту застенчивую девочку, дочку хозяина, но ничего вкусенького у меня с собой, увы, не оказалась. Мою шоколадку Ирка слопала еще на борту авиалайнера сразу же после того, как съела свою. А потом еще и объясняла, что это у нее нервное, просто из-за боязни полетов...

Впрочем, все это было вчера, а сегодня утром мы стояли на балконе и любовались окружающей нас великолепной природой. Вернее, это я любовалась природой, а Ирка молча отравляла легкие никотином, время от времени выпуская изо рта красивые дымные колечки. И к прекрасной действительности моя подруга оказалась совершенно равнодушной. Потом она ленивым щелчком отправила окурочек куда-то вниз и в ответ на мой укоризненный взгляд лишь безразлично пожала плечами.

Теперь мы отправлялись на завтрак. Он был организован в виде шведского стола. Ирка тотчас же начала уплетать колбасу, запивая ее соком, я же взяла себе омлет и начала неторопливо ковырять его вилкой. Есть не хотелось совершенно, все мои мысли были посвящены предстоящему походу на пляж.

И тут...

— Как мина софрата? — обратился молодой парень из обслуживающего персонала к своему более пожилому коллеге.

Тот ответил ему, тоже, видимо, по-болгарски, но я этого уже не слышала. Таинственное слово «софрата» вновь напомнило мне про недавний сон.

— Что значит «софрата»? — обратилась я к Ирке.

Она удивленно посмотрела на меня и что-то промычала. Потом вновь отпила сока и произнесла уже более внятно:

— Чего?

— Софрата — от слова «софра», — неожиданно обернувшись к нам, пояснил мне высокий светловолосый парень, сидевший по соседству. — Это такой низенький круглый стол в крестьянских домах. За ним едят всей семьей. А еще в Пловдиве ресторан есть с таким же названием.

— А что тогда означает выражение: «как мина софрата»? — тут же поинтересовалась я.

— «Как мина софрата»? — повторил парень, задумавшись. — Ну, это вопрос. Буквальный перевод: «Как прошло угощение?»

— Понятно, — сказала я, а Ирка, торопливо дожевывая колбасу, тут же попыталась вклинить в разговор.

— Меня Ирина зовут! — кокетливо и даже несколько томно проворковала она. — А подругу мою — Валерия!

— Очень приятно! — сдержанно отозвался парень, но представляться не стал.

— Можно просто: Иришка и Лерка! — все еще не теряя надежды на более близкое знакомство, торопливо добавила моя подруга. — А вы, простите, в каком номере обитать изволите?

— Да все в том же! — улыбнулся парень, поднимаясь из-за стола.

В это время к незнакомцу подошла высокая темноволосая девушка и, смеясь нас довольно неприязненным взглядом, что-то прошептала парню на ухо. Тот ей ответил, потом они весело рассмеялись и, не обращая на нас никакого внимания, торопливо вышли из столовой.

— Пролет! — грустно констатировала Ирка, внимательно глядя им вслед. — Ничего, плакать не будем и свое быстренько наверстаем! Правда, Лерка?

Я ничего не ответила. Таинственное слово «софрата», которому вдруг нашлось столь прозаическое объяснение, по-прежнему не выходило у меня из головы.

Глава 2

Прямой дороги от Свети-Власа до Смядово, естественно, не существовало. А если и была такая, то Никита (тот самый новый знакомый, с которым мы все же разговорились уже после завтрака) о ней не догадывался. В любом случае, мы с Иркой не знали, как туда добираться. Загружая вещи в выдавший виды арендованный «Опель» темно-вишневого цвета, Никита весело сообщил мне, что нормальные герои всегда идут в обход.

Не знаю, как нормальные, но я была явно не в себе, когда соглашалась на эту дурацкую авантюру: быстро собраться и поехать на плато Софраты, о котором рассказал Никита! Ведь можно было отказаться. И не жились бы мы сейчас с Иркой на золотистом пляже, в черноморской воде купались...

Теперь вместо этого мы мчались вдоль морского побережья почти прямоком на север, к одному из самых знаменитых болгарских городов — Варне, и эта первая часть нашей поездки заняла не менее двух часов, которые я, впрочем, благополучно проспала. Потом, не останавливаясь полюбоваться всеми достопримечательностями этого приморского местечка и круто свернув на запад, Никита устремился к Шумену — центру одноименной области. А примерно на полдороги его сменила за рулем Василка, то ли сестра, то ли подруга парня.

Конечная цель нашего путешествия, городок Смядово, как оказалось, тоже входил в Шуменскую область, но до него еще было долго ехать.

В Шумене Никита милостиво решил сделать остановку и заодно пообедать. Из всех ресторанов города он почему-то выбрал именно «Панораму»... Стоит отметить, вид из окон был хороший, да и блюда вкусные, тем более, что мы все успели изрядно проголодаться. Вино нам тоже подали к столу, и мы с Иркой с удовольствием распили на двоих бутылочку красенького. Затем Василка рассчиталась с официантом, что-то оживленно ему при этом доказывая, а после мы все вместе двинулись к нашему «Опелю», который из-за пыли превратился из темно-вишневого в почти серый.

Теперь продолжили путь уже в южном направлении.

За рулем вновь был отдохнувший Никита, Василка же, сидя рядом, почти всю дорогу разговаривала с ним по-болгарски. О чем именно, я так и не поняла, несмотря на некоторую схожесть наших языков. Наверное, все дело было в том, что говорила Василка негромко и очень быстро, тут лишь отдельные знакомые слова можно было уловить. Впрочем, кажется, сам Никита болгарский язык знал хорошо, потому что время от времени отвечал девушке. И тоже бегло и совершенно для меня непонятно... А может, он и впрямь болгарин, тем более, что сестра-болгарка есть? Но ведь и по-русски Никита этот говорил совершенно без акцента.

Наум ГАЛЬПЕРОВИЧ

Это все для тебя...

* * *

Увижу вновь: у тихой речки,
Что пригорюнилась слегка,
Как будто белые овечки,
Спешат куда-то облака.

А полдень светлостью подсвечен.
Рука Господня там и тут.
И над землею — только вечность
И облака, что вдаль плывут..

* * *

Две мадонны — Осень и Весна —
В жизнь мою однажды постучали.
Как лекарство от былой печали,
До утра в моих блуждают снах.

Две мадонны. Радостно с одной,
А с другой и горестно бывает.
Светит солнце иль звезда сияет,
А они как крылья за спиной.

Хоть судьбы непросто вьется нить
И на небе тучи так бездонны,
Я не беден, у меня мадонны:
Осень и Весна. И надо жить.

Ноктюрн

Скрипнет калитка. Тут лестница узкая.
Снегом усыпанный сад.
Снежная улица. Снежная музыка.
Снежный пронзительный взгляд.

Чей это голос упрямо доносится?
Чья это слез бирюза?
Легкая куртка. «Венок» Богдановича.
В грусти прозрачной глаза.

Губы к губам устремлялись губительно,
Словно вокруг никого...
День тот воскресный, такой удивительный...
Ты возвратишь мне его?..

Чудо-калитку и лестницу узкую,
Снегом усыпанный сад,
Снежную улицу, снежную музыку,
Снежный пронзительный взгляд.

* * *

Позволь погреться у твоей щеки.
Тогда меня сомнения отпустят,
И я не сдамся в плен случайной грусти.
Позволь погреться у твоей щеки.

Позволь оттаять возле нежных губ.
Пусть лед сжимает берега крутые,
Пусть высятся сугробы снеговые.
Позволь оттаять возле нежных губ.

Растает снег. И сразу боль пройдет.
Ручьи зальются золотистым смехом,
И отзовется день веселым эхом,
И туча край наш милый обойдет.

Позеленеют травы у реки,
И почки зарумянятся на ивах...
Позволь согреться у твоей щеки,
Позволь оттаять возле губ любимых.

* * *

Это все для тебя — этот город, и день,
И листва, что костром полыхает осенним.
Это все для тебя!
Я и здесь, и нигде,
Я и радость твоя, я и это мгновенье.

Этот город, который мне близок до слез,
Что в душе вызывает и трепет, и гордость,

Федор КОНЕВ

Портрет

Быль-небыль

Ангел

Тогда Павлу было двадцать лет, а ныне тридцать три, так что времени изрядно миновало, а помнит он все так, будто час назад приключилось. Павел никому не рассказывал об этой встрече, да никто и не поверил бы тому, что ангел был так близко, что можно было его коснуться.

Строительные леса опутали одну из стен сумрачного храма. Когда парень поднимался на свое рабочее место, то все собранное из звеньев сооружение шаталось, скрипело и норовило рухнуть, но как-то на диво держалось. Сначала и страшновато было, а потом Павел привык, увлеченный работой, и забирался наверх с обезьяньей ловкостью.

Шла реставрация заброшенной церкви, в давние времена согретой молитвами прихожан, а потом, в тридцатые годы, обезглавленной и отданной под клуб. Чтобы собраниям, представлениям и танцам не мешали фрески, их старательно замазали известкой. А поскольку лики святых со временем начинали проступать, то стены и своды белили не однажды. И теперь Павел как раз был занят тем, что снимал ненужные слои, пробираясь к первооснове. Когда-то побелку проводили по «злу», а оказалось, что она-то и сохранила фрески за многие годы официального безбожия.

Павел работал на верхней площадке под самым сводом. Он часами лежал на спине при включенных светильниках, которые были расположены так, что освещали участок работы, и буквально по миллиметру снимал слои извести.

В последние три дня Павел думал только о ней, той девушке, которую случайно встретил. И все вроде обыкновенно было, а на самом деле очень даже странно. Спешить не было причины, а он сел в такси, будто кто затянул в машину. Но тогда не оказался бы на минском вокзале и не подошел бы к очереди за билетами одновременно с девушкой.

Ну не судьба ли?

Мало того, кассирша выделила места в одном купе, и оба ехали в один и тот же заштатный городок, только Павел по работе, а Вика там жила. По приезду не разбежались, а пошли рядышком и все говорили. Они одинаково чувствовали, что прежде у них не было никого, кто бы так понимал, как они понимали друг друга в те минуты. Им совсем не хотелось расставаться. Вот так бы идти да идти хоть до конца жизни. Но потом Вика увидела выскочивших из подъехавшей машины родителей и сказала:

— Меня потеряли. Пока! Еще встретимся.

И побежала к автомобилю. Ни адреса, ни телефона не успела оставить. Папа с мамой хлопотливо усадили дочь в машину. Проезжая мимо Павла, водитель отчужденно окинул парня взглядом и прибавил скорости.

Но вот уже прошло три дня, а ее все нет и нет. Он половину городка обошел. Адреса нет, но есть имя! Виктория — самое красивое на свете. Можно повторять каждую минуту и не надоест. Он продолжит поиски, спрашивая встречающих, не знает ли кто девушку по имени Вика, Виктория. Не успокоится, пока не обойдет всех жителей городка. Кто-нибудь да знает!

Погруженный в эти мысли, Павел обрабатывал край кучерявого облака, и внезапно продолговатый пласт отделился от свода и отвалился. Видимо, в это место просочилась вода и оказалась между фреской и толстым слоем побелки.

Все было настолько неожиданно, что Павел невольно вскрикнул. Голос его эхом прокатился по огромному и пустому пространству храма. Очень близко, с расстояния вытянутой руки на парня смотрели глаза с чистыми белками, на фоне которых особенно выделялись васильковые зрачки. И они были живыми — глаза, губы, весь лик ангела. И ныне Павел уверен, что не показалось ему, не почудилось, а на самом деле живой ангел вглядывался в него через узкую просинь на сером небе.

Ангел и Павел смотрели друг на друга. И неожиданно для себя молодой человек произнес:

— Помоги.

У небесных сил всегда чего-нибудь просят, так уж заведено у людей. Вот Павел и не удержался. Уже не вслух, а мысленно он просил ангела не только найти Вику, но чтобы она полюбила его, чтобы он женился на ней, и нет у Павла, и не будет другой мольбы. Только раз обратился он к святому: помоги! И больше никогда в жизни не будет досаждать просьбами Небу. Он всего добьется сам, была бы только рядом Вика.

Что-то неуловимое произошло, будто Святой Дух покинул лик ангела и улетел, а осталось только красочное изображение, фрагмент фрески. Невольный и необъяснимый страх возник в сознании юноши, стал расти, охватывая холодом все тело. Что он наделал? О чем попросил ангела? Это же святой... А Павел о девчонке. Что же теперь будет? Какая кара ожидает?

Он почувствовал, как одинок и беспомощен на шатких лесах в этом полумраке при двух светильниках, которые вот-вот могли погаснуть. Точно так же в любую секунду могла прерваться его жизнь. Рухнут под ним строительные леса, разрывая падающее тело Павла в клочья, и поминай как звали.

И как же все это было бы некстати! Прямо обидно до слез. Если бы привелось умереть три дня назад, так и терять было бы нечего. А ведь встретил ту, о которой мечтал.

К несчастью своему, парень не знал ни одной молитвы и своими словами начал виниться перед ангелом, стал объяснять ему, что ничего грешного он не имел в виду, а просто очень хотел, чтобы Вика стала его женой.

В это время Павел услышал какие-то звуки внизу. Похоже, чьи-то шаги. А потом знакомый голос позвал:

— Ты там, Павел?

Ни за что и никогда он не вспомнит, как оказался внизу. Еще эхом блуждал в храме голос Вики, не успел угаснуть, а Павел уже перед ней стоял, сияя улыбкой.

Оказалось, что она с отцом ездила в деревню навестить бабушку. Вот ее и не было в городке. А как можно найти человека, если его нет там, где ищешь?

Отец намеревался оставить ее отдохнуть на природе, но Вика отказалась и поторопилась вернуться в городок, помня обещание.

Внял робкой просьбе юноши ангел. Ничем другим Павел не мог объяснить того, что приключилось с ним в эти минуты. Он мысленно поклялся, что на добро ответит добром. Еще не знает как, но ангел убедится, что не зря помог парню. Это уж непременно!

Легенда

В трех километрах от городка на обширном холме стоял древний замок. Он был ровесником той церкви, в реставрации которой Павел участвовал. А еще в поезде Вика обещала ему показать древнюю крепость — главную достопримечательность городка и даже округи, гордость местных жителей, людей мягкосердечных и приветливых.

Правда, внешний воинственный и неприступный вид крепости портило то обстоятельство, что уже много лет, пожалуй, с войны, в замке размещался санаторий для престарелых людей. Покои и залы были заняты кроватями, тумбочками и всеми атрибутами медицинского учреждения. И, конечно, запахи микстуры и кухни соответствовали обстановке. С потолков свисали голые электрические лампочки и бросалась в глаза грубо проведенная по фрескам электропроводка.

Обслуга санатория знала Вику. Городок был так мал, что все друг друга звали по имени. И никто не помешал молодым людям пройти на одну из башен.

Лестница оказалась крутой, а ступени высокими. Павел поднимался впереди и тянул Вику за руку. Так они оказались на верхней площадке. С этой высоты открывались равнинные дали, плоские пашни, перелески и голубые озера, будто опавшие лоскутья неба.

Вика остановилась посреди площадки и посмотрела под ноги. Лицо ее порозовело от волнения.

— Вот здесь она стояла, — проговорила негромко девушка.

— Кто? — не понял Павел.

— Ты не знаешь легенду? — удивилась Вика. — И никто не рассказал? До сих пор?!

— Так я же целыми днями на лесах, — засмеялся Павел. — Кто туда заберется?

Легенду о юной княжне, которую сказала Вика, местные знали чуть ли не с пеленок. А приезжим рассказывали в первую очередь.

— Это ведь у нас как визитная карточка, — посмеялась девушка. — Сперва — легенда, потом — здравствуйте!

Чтобы древний замок не был опутан преданиями да не населен призраками, такого не бывает. И этот не был исключением.

— Семнадцатый век. У князя Августа три сына и единственная дочь, в которой он души не чает. Ее зовут Марией. Юноша-простолоудин, ученик живописца, пишет ее портрет. Обоих природа создала необыкновенно красивыми. Молодые люди влюбляются. И безумно, как только могут в ранней юности. Про это узнает князь и в гневе приказывает живьем замуровать дерзкого юношу в подвалах замка. В ответ княжна бросается с одной из башен и погибает, — легенду Вика рассказала, подойдя к пустому оконному проему, а потом

еще и ступила на низкий подоконник, посмотрела вниз и произнесла тихо: — Как же ей страшно было, наверно.

Под ногами кирпичное крошево. Чуть пошатнись — и полетишь вниз. Павел стремительно шагнул к Вике, ухватил за тонкую талию, отступил от окна и поставил спутницу на ноги, а свои руки убрать забыл. Она стояла, замерев, а он слова выговорить не мог. Ему никогда не приходилось держать за талию девушку, и теперь сердце так билось в груди, что, казалось, выскочит. Вика повернулась в кольцо его рук и, глядя снизу вверх, сказала:

— Я вспомнила, мы виделись.

Она обняла парня и прильнула к нему, будто испугавшись чего-то. Павел в проеме окна увидел небо. Оно все было усеяно белоснежными барашками. И тут — из любопытства, конечно! — выскочило прятавшееся за облаком солнце.

От замка до городка идти нужно было вдоль реки. Вика и Павел неспешно шли по утоптанной тропе и молчали. Может, боялись вспугнуть чувство родства, которое возникло на башне. Павлу страшно было подумать, что они могли так и не узнать о существовании друг друга.

— Испугалась? — спросил осторожно Павел.

— Я вспомнила.

— Что мы уже встречались?

— Это было на самом деле, Павел. У тебя были длинные до плеч волосы.

— Да когда? — развел руками тот. — Что мы еще прожили? Детсад. Школа. Да вот ты поступила в институт, а я провалил экзамены. И не носил я длинных волос.

— Почему же помню? — спросила растерянно Вика.

Как можно помнить то, чего не было?

— Тебе приснилось, — объяснил Павел. — Бывают сны, никак не поймешь — вьявь было или нет.

— Зато я знаю, что длинные волосы тебе идут, — заявила Вика и крикнула: — Догоняй!

Он кинулся за ней. Он бежал, чтобы ее догнать. Она убегала, чтобы он догнал. Так было тысячи лет назад, так будет до скончания веков. Должно быть, ангел смотрел на ребят с высоты и улыбался.

Счастливая семья

Как только закончились реставрационные работы в церкви, Павел за руку увел из отчего дома послушную Вику. Ее родители горстями глотали таблетки, чтобы избежать инфаркта, настолько их ошарашил выбор дочери. Какие были завидные женихи! Ай-ай-ай! Но что было делать?

Пара уехала из того городка в столицу, а после свадьбы поселилась в квартире, доставшейся Павлу от бабушки. И вот уже двенадцать лет с довеском минуло с того времени. Семья всем была довольна, жила, как говорится, душа в душу, чему недобро удивлялись друзья и знакомые. Не верили почему-то, что можно жить без упреков и ссор.

А Вика с Павлом были счастливы. Средств на жизнь хватало, но без лишних претензий, и это вполне устраивало. Без денег не прожить, но и делать все ради них глупо. Главное — вместе жилось уютно. А что еще надо? Собственно, чего еще можно хотеть, если есть рядом человек, которого глаза не устают видеть, а уши — слышать?

Вика работала в частной нотариальной конторе, далеко не процветающей, Павел занимался своей любимой стариной. Для него реальная жизнь, как понимала жена, была досадной необходимостью, а будь малейшая возможность, так бы и нырнул в какой-нибудь семнадцатый век и чувствовал себя там как рыба в воде. С философами беседовал бы наравне. Он-то из нынешнего времени и куда больше знает о строении той же, скажем, Вселенной. Вот бы удивлял мудрецов познаниями!

В свое время Павел совершенно случайно попал в реставраторы. С первого раза не поступил в университет, и отец пристроил к своему доброму знакомому подсобным рабочим. А Павел увлекся новым занятием и вскоре уже легко справлялся с теми заданиями, что ему давали. Со временем стал отличным специалистом и даже известным в городе. Костелы, церкви, старинные здания... где только не работал! Но как-то само собой возникло еще одно увлечение: однажды с товарищами парню пришлось заниматься реставрацией старинных портретов из одного замка, которые находились в жалком состоянии — разрывы холста, заломы, потери красочного слоя, толстый налет вековых загрязнений на поверхности.

И благодаря художникам возникали из небытия облики людей, живших столетия назад. Вот так молодой и любознательный Павел увлекся судьбами этих неизвестных. Многие из них, как оказалось, были собирателями и хранителями культурных ценностей.

После окончания учебы на историческом факультете молодой реставратор защитил диссертацию как раз на тему не оборонительного, а культурного значения замков, занимался исследовательской работой при академии наук, числился там старшим научным сотрудником, а до академика, как сам шутил, было рукой подать.

К своей работе Павел относился с уважением. Он был дотошным и добросовестным ученым, был открыт новым познаниям, увлеченно строил гипотезы, затем мог сутками копаться в каких-нибудь старинных документах, которые читать можно только через лупу, и не оторвать исследователя никакими силами от любимого дела.

Что же касается семейной жизни, так в скором времени паре предстояло отметить кружевную свадьбу. Павел прочитал в интернете все о чертовой дюжине: год по народным приметам ничего хорошего не обещал, кроме серьезных испытаний и нежелательных перемен.

Но пока Павла не опасения занимали, а забота о том, что подарить жене в годовщину свадьбы, которой и не было, кстати. Расписались, выпили в кухне шампанского и были очень довольны тем, что теперь уже навсегда вместе. И каждый год в этот день делали подарки друг другу. Оба старались придумать что-то неожиданное, а потому и радости много было. Павлу очень хотелось и в этот раз чем-то удивить Вику, что-то исключительное преподнести, но в голову путных мыслей не приходило. Ну не деньги же в конверте. Из семейного кошелька...

Вика с годами только красивее становилась. Павел любил повторять:

— Когда ты рядом со мной, все мужики ненавидят меня.

В этих словах была сермяжная правда. Даже приятели не скрывали зависть, не понимая, как такая редкой красоты женщина могла выйти замуж за человека, который ничем не лучше их и тоже не обладает, по мнению посторонних, ни «породой», ни редким умом, ни ловкостью соблазнителя.

Наталья ИГНАТЕНКО, Александр РАДЬКОВ

Маленькие истории большой семьи

(Главы из книги)

В каждой семье, где рады не только родным, но и гостям, во время дружеских посиделок вспоминаются разные истории. Среди них есть такие, что рассказываются неоднократно. Чем шире круг друзей и география их перемещений, тем больше поводов для долгих разговоров, для очень редкого, но теперешним временам, живого общения.

Именно такие истории нашей семьи попросились в книгу. Семья разрастается, а эти рассказы хочется сохранить и для свежих ростков семейного дерева, и для новых друзей. Ни один сюжет не вымышлен. Все события — реальные. Наши истории — и о семье, и о друзьях, и о том, что нас удивило.

Два взгляда — женский и мужской, художественный и строгий, дочери и отца — вызывали много споров во время работы над книгой. Возможно, после выхода наших историй в свет дискуссий будет еще больше, но вера в то, что эти рассказы смогут объединять людей разных поколений, взглядов, позиций, убеждает в необходимости их издания.

Пролог

Наш род большой и семейных историй у нас много. У наших родителей — пятеро сыновей. Мама — из известного на Быховщине рода Дергачёвых — военных моряков, коммунаров, партизан. По ее родословной дальше своего прадеда Свирида Карповича Дергачёва мы мало что смогли узнать. В лихолетья наша семья не только многих потеряла, пропали и документы, письма, фотографии. Больше всего историй сохранилось о Свириде Карповиче. Он родился в деревне Вотня и был призван служить на Балтийский флот, еще при царе. Ни писать, ни читать не умел, но грамотой за время службы овладел быстро. Похоже, от природы отличался сообразительностью, потому что был отобран командованием для командировки в Англию, где на верфях принимал для царской России построенные там военные корабли. Овладел английским языком. А вернувшись на родину, с головой ушел в революцию. Приехал в Вотню пропитанным идеями свободы, с неукротимым желанием организации новых общественных и хозяйственных отношений. Организовал коммуну, с односельчанами построил водяную мельницу, купил по тем временам механическое чудо — трактор. Жизнь в деревне закипела. Но на эту землю пришли сначала немцы, потом белополяки — наш прадед организовал партизанский отряд и защищал свою родную землю от захватчиков. Потом создавал в районе колхозы, продвигал идеи советской власти. В Новый Быхов через лес всегда ходил пешком с огромным маузером на бедре, нигде и никого не боялся. Оратор от Бога, его пламенные речи вдохновляли людей. В начале Великой Отечественной войны ему было уже шестьдесят два года, но он настоял на своем

призыве в армию, ушел на фронт полковым комиссаром, в районе Гродно был тяжело ранен и умер в одном из госпиталей Саратова.

Наш дед, Евдоким Свиридович Дергачёв, тоже добавил много семейных историй. Он, как и его отец, служил на Балтийском флоте, но уже советском. Мама нам рассказывала, что они часто меняли военные городки и гарнизоны, долго жили в Кронштадте. Рассказывала о военных кораблях на рейде, о Кронштадтском соборе, в котором они по тем временам смотрели кино, о катке возле него, где она каталась на коньках, о мостовой из чугунных труб. Дед одно время служил в НКВД, однажды взял с собой на работу дочь (нашу маму), ее не с кем было оставить дома, и она видела, как к нему в кабинет всю ночь приводили людей в кожаных пальто. Она уже тогда понимала, что это были очень большие начальники. Когда началась война, дед пришел домой в полевой военной форме и сказал нашей бабушке, чтобы она срочно увезла детей в Вотню, иначе они могут не выжить. Они успели добраться до своей деревни — бабушка, моя мама, ее младшие брат и сестра — и уцелели. А дед погиб под Великим Новгородом в начале войны. У нашей мамы сложная судьба, но это — отдельная история.

По отцу у нас родословная еще сложнее. Мы в ней и поныне до конца не разобрались. И здесь все разметала война. В этой книге мы попробуем проанализировать некоторые отрывочные истории по отцовской линии, но все они для нас до сих пор болезненны.

Пятеро братьев — это история следующего, послевоенного поколения. Мы уже не голодали, наши родители рядом с нами, работ по дому много, но все они были нам посильны. Наше детство прошло в рабочем поселке торфопредприятия Красная Беларусь возле Быхова. Для нашего развития это были идеальные условия. Мы росли одновременно в городской и сельской местности. У нас в поселке был водопровод, паровое отопление, школа, детский сад, ясли, два продовольственных, промтоварный, хлебный и хозяйственный магазины, столовая, клуб с кинозалом, танцплощадка в парке с духовым оркестром. Весь поселок и его окрестности покрывала сеть узкоколейной железной дороги для вывоза торфа. Рядом была железнодорожная станция магистрали Ленинград — Одесса. Регулярно курсировал автобус до Быхова. Над нашими головами заходили на посадку знаменитые ракетноносцы — сначала Ту-16, а затем Ту-22 — недалеко был знаменитый Быховский военный аэродром. Но уклад жизни был деревенский: люди держали коров, свиней, кур, на огородах выращивали овощи, в лесах собирали ягоды и грибы. А еще буквально через поселок с 1943 по 1944 год проходил фронт, оставивший после себя землянки, окопы, в которых была масса интереснейших для мальчишек вещей. Поэтому можно себе представить, сколько запоминающихся приключений и историй мы пережили в детстве. Дома мы между собой всегда делились увиденным, услышанным, прочитанным. Родители, как фронтовики, могли выписать любую периодику, и наш дом всегда был наполнен газетами и журналами, всеми, что тогда издавались в СССР. Мама много читала, а мы — вслед за ней. Нам всегда было что друг другу рассказать. И мы рассказывали.

Теперь трудно вспомнить, кто в нашей семье это предложил, но вечером перед сном каждый из братьев должен был изложить, что интересное он увидел и услышал в школе: кому и за что поставили двойку, какие за день случились интересные истории, кого, куда и почему пересадили. Мы это называли ДСП — двойки, случаи, пересадки. Только со временем мы поняли, насколько эффективной оказалась эта методика развития ребенка. За что поставили двойку? Надо же было братьям (младший — в первом классе, а старший в

одиннадцатом) объяснить, почему учитель поставил однокласснику двойку и каким в этом случае должен быть правильный ответ. А смешную историю надо было не только заметить, но и суметь ее интересно преподнести. Да и с кем сидеть за одной партой, для школьника немаловажно — это же непосредственное формирование дружеских отношений, человеческой привязанности, психологической совместимости. Все школьные годы мы ежедневно наблюдали окружающий нас мир и рассказывали друг другу увиденное, услышанное, прочитанное. Кстати, делаем это до сих пор, только рассказы наши уж давно приобрели другие масштабы. Аббревиатура ДСП в нашей семье как пароль — она сразу настраивает на интересные истории, которые повторяются, шлифуются, накапливаются.

Мы выросли, один за одним покидали родной дом. Служили в армии, учились в институтах. Виделись вместе уже реже, но историй из жизни становилось все больше. Когда собирались в родительском доме, рассказам не было конца. Мы были едины и оставались одной семьей, пока не стали жениться — последовательно, один за одним, по старшинству. Жены нас, безусловно, друг от друга несколько отдалили, но они добавили в нашу жизнь истории своих семей.

Первым, как и положено, женился старший брат Владимир. Свою Елену он нашел в нашей поселковой больнице, она там работала зубным врачом. И мы сразу и навсегда осознали крайнюю значимость профессии врача-стоматолога, постоянную потребность в нем — сердце одно, а зубов аж тридцать два, и каждый из них может беспокоить. Лена была из известной на Гомельщине семьи Кириченко. Ее отец Борис Савельевич — партизан-орденоносец, начальник штаба партизанского соединения, после войны работал в лесном хозяйстве, возглавлял Мозырский леспромхоз. Большой, степенный, жизнелюб, великолепный рассказчик — мы всегда его слушали с удовольствием.

Я женился на своей однокурснице Татьяне Янченко. Она привнесла в нашу семью особенности и колорит городской жизни, потому что родилась и выросла в Могилеве. Татьяна впитала в себя энергетику города и заметно отличалась от нас своей открытостью, коммуникабельностью, смелостью в жизненных планах и решительностью в организации их осуществления. Родители Татьяны, Евдокия Герасимовна и Николай Федорович, работали на Могилевском заводе искусственного волокна им. В. В. Куйбышева. Милейшие люди. Так получилось, что я с семьей жил у них шесть лет. И каждый из моих братьев тоже жил у них какое-то время. Так мы прониклись интереснейшими историями о знаменитом химическом предприятии, еще довоенном 511-м заводе. Торф для топлива на него поставляли как раз из Красной Беларуси, и директором этого завода одно время был родственник нашей мамы. А еще нам очень интересны были рассказы о годах войны, которую подростками пережили родители Татьяны.

Третий брат, Михаил, выбрал работу врача. Окончил Витебский медицинский институт и потом заведовал в Могилевской городской больнице скорой медицинской помощи отделением оперативной гинекологии. И полностью нас погрузил в мир медицины. К тому же женился на враче-терапевте Ольге Садовской. Род Садовских имеет польские корни и в свое время расселился по всей России. Мама Ольги Анна Яковлевна заведовала в Витебске родильным домом, а отец — Антоний Францевич — полковник медицинской службы, служил начальником военной кафедры в Новосибирском медицинском институте, а потом заведовал интернатом в Витебском.

Наш брат Николай женился, как и я, на своей однокурснице Надежде Кавериной. Родители Нади всю совместную жизнь провели под Чериковом, на

живописных берегах Сожа. Николай Андреевич заготавливал в лесах смолу-живицу, расставлял по реке бакены и ловил в Соже рыбу. Его рассказы об этих знатных местах, об охотничьих и рыболовных приключениях можно слушать часами.

Пятый брат, Виктор, нашел себе жену Ольгу в деревне Хачинка Быховского района, из рода Шереметьевых. Откуда в Хачинке появилась такая знатная фамилия, нам выяснить не удалось, но Ольга и дома, и на работе, как заведующая детским садом, вела себя достойно и независимо. О ней и ее трагической судьбе — отдельная история.

Работа, жены, обустройство уже своих семей нас еще больше отдаляли от родительского гнезда. Но это было естественное развитие, заметное расширение нашей и до того большой семьи. Мы стали обзаводиться детьми. У каждого брата — по двое. Росли по службе. Три моих брата стали директорами школ, Михаил приобрел широкую известность как очень хороший врач. С выбором жен мы не ошиблись — все жили дружно. Приключения, конечно, случались, но все вместе мы с ними справлялись. По крайней мере, никто не развелся и наши дети воспитывались в полных семьях при заботливых родителях. Семейные истории продолжали накапливаться, и когда мы собирались в Красной Беларуси, наши рассказы из прошлой и богатой настоящей жизни остановить было невозможно. Пришло время, когда выросли и наши дети, ушли от нас в большую жизнь за новыми историями.

Сыновья старшего брата, Володя и Максим, стали офицерами. Наша с Татьяной старшая дочь Наталья работала учительницей начальных классов и музыки, а потом стала писать стихи и сказки для детей, младшая дочь Юлия нашла себя в тележурналистике, ведет новостные программы на Первом телеканале. У Михаила старшая дочь Евгения пошла по его стопам — врач, младший сын Сергей — экономист. У Николая старшая дочь Анна работала в системе внешкольного образования, вышла замуж за талантливого инженера-машиностроителя, его пригласили работать на завод немецкой фирмы «Фольксваген», и они уехали жить в Германию. Младший сын Николая Антон окончил Могилевский университет и работает в Горках в спортивной сфере. У Виктора, младшего брата, после окончания университета старшая дочь Екатерина ушла служить в таможду, а младшая, Дарья, вышла замуж и со своей семьей живет в Швейцарии.

Наши горизонты продолжали расширяться. Например, отец Саши Игнатенко, мужа нашей Наташи — крупный партийный и советский работник. Геннадий Тимофеевич имел острый ум, невероятную наблюдательность и отменное чувство юмора. Его рассказы о жизни, партийно-хозяйственной работе, о наших общих знакомых были потрясающими. Мы с ним старались послушать и истории о жизни наших детей и внуков. И было что слушать. Саша осваивал работу морских портов России, они с Наташей и детьми жили в Мурманске, Николаеве, Санкт-Петербурге, Москве. Какое-то время Саша возглавлял один из крупнейших российских портов «Восточный» на Дальнем Востоке. Наша Юля вышла замуж за Володю Перцова, руководителя представительства телерадиокомпании «Мир» в Беларуси, а с 5 апреля 2021 года — министра информации. И они окунули нас всех в мир телевидения с его колоритом и публичностью, добавили новых историй. Но, пожалуй, больше всех расширил горизонты нашей семьи, привнес в нее совершенно необычные краски и эмоции наш внук Павел. Он занимался фигурным катанием у знаменитых тренеров, выступал на чемпионатах Европы и мира, бывал на соревнованиях во многих странах и с удовольствием рассказывал о своих путешествиях и

впечатлениях. К нему со временем присоединился со своими историческими рассказами Кирилл Игнатенко — студент-политолог МГУ им. М. В. Ломоносова. Наша семья продолжает расти, и мы уже слушаем истории гимназистки Лизы Перцовой, а ее младший брат Миша только учится говорить, но мы уже ждем рассказов и от него.

Все эти истории просились в книгу. Давно. Мы понимали, что они могут быть интересны не только членам нашей большой семьи. Многие из них поучительны, познавательны, часто просто интересны. Но мы все были заняты учебой, работой, воспитанием детей — не было времени заниматься коллекцией семейных историй. Однако они все настойчивей просились на выход. Первой не выдержала Наташа — написала книгу «Аквамарин. Маленькие истории в стихах». Она заинтересовала читателей, несколько раз издавалась, но только приоткрыла ларец наших семейных историй. И Наташа решила продолжить — написала книгу «Разговор под звездным небом», о том, как в нашей семье складывались отношения между дедом и внуком. Но историй накопилось действительно много, и тогда я сам решил некоторые из них обнародовать в книге «Дискретный подход к наблюдению жизни». Однако в ней были больше не наши семейные, а мои служебные истории. И мы с Наташей вдруг поняли, что нам вместе надо записать истории из жизни нашей семьи. Тогда это будет рассказ о нескольких поколениях, о разных сферах работы и жизни, о многих странах, об интересных людях. Мы надеемся, что наши истории будут полезны для людей при принятии важных решений, помогут найти себя в жизни, где-то развеселят, а где-то и вызовут грусть. Мы их записывали чередуя, стараясь придерживаться хронологического порядка, хотя это далеко не всегда удавалось. Итак, предлагаем вашему вниманию маленькие истории нашей большой белорусской семьи.

Знахарка

Заметный интеллект, обостренное чутье, детальную наблюдательность природа распределяет достаточно равномерно и устойчиво. Человек определенные способности может получить, где бы он ни родился. Конечно, наличие некоего дара обусловлено прежде всего генетикой, а вот развитие этих человеческих качеств зависит от окружающей среды. Тем не менее врожденные способности проявляются всегда.

Бабушка моей жены Татьяны имела врожденный ум, была наблюдательной и, похоже, обладала еще довольно необычными способностями. Звали мы ее бабушкой Олей. Они с мужем Герасимом пережили Первую мировую войну, Октябрьскую революцию, Вторую мировую войну, родили четверых детей, двоих сыновей потеряли в годы этих лихолетий. В Первую мировую войну дед Герасим воевал, попал под газовую атаку, был у немцев в плену, домой вернулся с больными легкими. Прожили они всю свою жизнь в деревне Заболотье, что недалеко от Могилева. Когда мы с Татьяной поженились, дед Герасим уже умер, а бабушка Оля вдруг почему-то «облюбовала» нашу дочь Наташу. Буквально с первых дней ее рождения. Она никогда не выезжала из своей деревни, а тут приехала к нам, когда мы привезли из роддома нашу малютку к теще, где мы тогда жили, и заставила переставить детскую кроватку — видите ли, она стоит в плохом месте. Более того, когда мы переехали жить в общежитие, она на автобусе, потом на троллейбусе, а потом с палочкой, уже тяжело передвигаясь, добралась в центр города, чтобы посмотреть лично, в каких условиях теперь живет маленькая Наташа. Не мы с Татьяной, а именно наша Наташа.

Бабушка Оля (крайняя слева).

В то лето Татьяна устроилась работать в пионерский лагерь «Олимпия» под Могилевом, на берегу Лахвы. Взяла с собой и пятилетнюю Наташу. А мы с тещей Евдокией Герасимовной решили их навестить. В лагере жизнь была ключом, и Татьяна, и Наташа были заняты своими делами, мы с тещей передали им гостинцы и поняли, что им и без нас хорошо. И тут вдруг Евдокия Герасимовна предложила навестить бабушку Олю. Она уже сильно болела, с постели не вставала и передала, что очень хочет меня увидеть. Мы пошли с тещей в Заболотье пешком, это было километров десять

вдоль реки Лахвы. В этих местах у Евдокии Герасимовны прошло детство, и она со слезами на глазах показывала мне, где до войны стоял спиртзавод, а когда его немцы разбомбили, они ведрами носили домой спирт. Обнаружила среди полей место, где когда-то располагалась межколхозная МТС со множеством тракторов. Вспомнила, как их деревню полностью заполонили грохочущие немецкие танки и как им всем было страшно. Рассказала, как по ночам носили еду партизанам.

Бабушка Оля нас ждала, увидев — заметно приободрилась, обрадовалась. И сразу же стала наказывать мне смотреть за Наташей. Не спускала ее имя с языка. Я, по ее наказу, должен был заботиться прежде всего не о ее внучке Татьяне, а о ее правнучке Наташе. Потом вдруг засуетилась, заволновалась, начала шарить рукой в своей постели, наконец нашла там заранее заготовленную десятирублевку и стала мне ее совать в руки. Я отказываюсь, а она говорит:

— Это не тебе! Это моей Наташеньке...

Спустя несколько недель бабушка Оля умерла.

Вся деревня считала бабушку Олю знахаркой. Она могла пошептать, знала всякие заговоры, собирала какие-то только ей известные травы и готовила из них отвары. У нее, как все отмечали, было необыкновенное чутье на предстоящие события и особый глаз. А такие люди всегда ищут, кому передать свои необычные способности...

Медный пяточок

В очереди за разливным молоком с бидоном и за разливной сметаной с литровой банкой стоит моя бабушка Дуся. Чтобы меня занять, дает медный пяточок и отправляет купить пакетик мятных горошков. Велела сразу не открывать. Для девочки лет пяти это замечание прозвучало призывом к действию. О том, что я тихонечко вскрыла пакетик, узнали даже мыши в подвале. Пленка разорвалась неправильно молниеносно, и мятные горошки предательски звонко скакали по кафельному полу магазина.

Георгий МАРЧУК

*Нравы и люди Давид-Городка:
учителя моей юности*

Людмила Николаевна

Есть такая притча. Стали люди как-то гадать, кто после Бога самый главный на Земле: врач, артист, строитель, фермер? Никто не угадал, хоть каждому хотелось занять почетное место. Тогда Бог сказал, что важнее всего на Земле быть учителем, ибо каждой профессии нужно обучать.

Школьный учитель — профессия особая. Он — первый после родителей, кому дети доверяют, кого уважают и слушают. Он первый объясняет ученикам, как и для чего надо жить, какие ценности защищать. В советское время к нам в Давид-Городок ехали по направлению педагога не только из белорусской столицы, но и со всех учебных заведений Советского Союза. Так в начале 50-х годов прошлого столетия приехала из Ленинграда в полесский городок и учительница русского языка и литературы Людмила Николаевна. Позже мне, уже взрослому, рассказала, что ехала в хорошем настроении... Но когда пришлось добираться сначала на поезде, потом на подводе, на лодке по Припяти — настроение улетучилось, появился страх: зачем согласилась ехать в такую даль? Даже всплакнула. Не в каждом доме есть радио и подведено электричество. Хорошо еще, что взяли Людмилу Николаевну на квартиру приветливые, добрые люди.

Ко всему человек привыкает... Вскоре молодому педагогу, правда, к тому времени она уже вышла замуж за учителя физики Кравчука, предложили должность классного руководителя. Так мы оказались под ее опекой. Подростки по-разному относились к своим учителям: к кому-то с большим уважением, к кому-то — с меньшим, некоторых побаивались, кто-то из наставников вслух ругал непослушных. Случалось, вызывал в кабинет и директор — припугнуть исключением из школы за плохое поведение. Людмиле Николаевне почему-то все внимали, словно зачарованные. Она никогда не повышала голос. Если было шумно в классе, несколько минут ждала, пока успокоятся самые недисциплинированные. Правой рукой эффектно поправляла густые черные волосы и тихим, но уверенным голосом продолжала рассказывать про Чехова или Толстого. Если кто-то у доски путано, а порой и нелепо, под смех учеников пересказывал тему, она останавливала, не давала оценку и не стыдила, а приглашала продолжить ответ отличницу. Наш класс был сильным. Всех тянуло к знаниям.

Людмила Николаевна владела неуловимой магией: ее было интересно слушать, на уроки тянуло даже тогда, когда не знал тему и мог бы прогулять. Ненавязчиво, через ауру собственной заинтересованности, она прививала нам

любовь к литературе. Сочинения я всегда писал плохо, чтобы отцепились. За что и получал слабую тройку — как за содержание, так и за ошибки. А когда заболел, так вообще десятый класс пропустил. Лечился в санатории, потому и пришел в последний класс, чтобы отсидеться в ожидании аттестата. Снова писали сочинение. Людмила Николаевна называла оценки: «Марчук, к сожалению, очередная очень слабая тройка. Жора, тебе надо больше читать. Жаль. Ты на сцене такой способный артист, а запас слов мизерный. Ты ведь хочешь поступать в театральный, а оружие артиста — слово... фантазия...» «Он будет артистом пантомимы, а там слов не надо», — съязвил кто-то за последней партой.

Муж Людмилы Николаевны получил должность в Гомельском университете и уехал из городка. Мы ожидали, что вот-вот поедет в область и наша классная. Но она, вместе с уже подростками детьми, не спешила... «Выпущу одиннадцатый, тогда и поеду», — отвечала. Последняя осень в школе. Я пересмотрел свои сочинения. Конечно, написаны они были на двойку, учительница просто натягивала мне оценку. Что-то проснулось во мне, стало стыдно и перед Людмилой Николаевной, и перед классом, особенно перед одной девочкой, которая нравилась больше других. Нет, я не начал больше читать, но стал пристальнее оглядываться вокруг. И вот очередное сочинение: «Почему я люблю осень». Вольная тема. Значит, мое. Вспомнил горестную жизнь своей бабушки, Горынь-реку, осеннее картофельное поле, кострище, паутину в редущих лесах — и получилось сочинение чуть ли не на полтетрадки. На следующем уроке педагог озвучивает оценки. «Марчук — пятерка». Она даже чуть усмехнулась, а затем попросила задержаться после урока и настойчиво посоветовала писать дальше, для себя: вести дневник, писать стихи, делать зарисовки. Говорила, что из меня может получиться писатель.

После школы мы поехали в мир — учиться дальше. Людмила Николаевна решила остаться еще на один год. Чувствовалось, что городок покорила ее сердце своей красотой, природой, школой. Как ни удивительно, но новому классу читала в пример мое сочинение. Угадала и мою будущую профессию. Через двадцать лет я послал в Гомель свой роман «Цветы провинции» и получил от бывшей учительницы теплое письмо. Позже отослал Людмиле Николаевне книгу-дневник, где на одной из страниц было ее фото. Мне так хотелось поблагодарить ее за поддержку и совет, доброту и участие в моей судьбе. Мне казалось, я должен получить прежде всего оценку от нее как от близкого и требовательного читателя. Я словно держал экзамен. Поздравляя любимую учительницу с семидесятилетием, восьмидесятилетием, радовался, что она, слава богу, жива.

Разговариваем по телефону — обо всем. Она часто вспоминает дорогу к первому месту работы, свою растерянность. Думаю, что мы спасаем друг друга, помогаем советом, вниманием. Может быть, не случись наша встреча, судьба моя сложилась бы иначе. Некоторое время не звоню. Признаюсь, боюсь: страшно, а вдруг не услышу мягкий голос человека открытого и высокодуховного, каким и должен быть настоящий наставник.

Все-таки приятно жить с ощущением, что держишь невидимый экзамен перед своим учителем. А так ли ты живешь? По-человечески ли? На хорошую оценку или лишь бы как, на двойку?

Иван Якимович

Не знаю, в каком году приехал он к нам на работу, но было такое ощущение, что математик Гончарик лет сто живет в нашем городе. «Так и не выбрал себе никого из наших девушек. Вот и ходит холостяком, — говорили городчуки. — И в клубе на танцах не видно...» Ходил неизменно Иван Якимович в кителе, галифе, хромовых сапогах, начищенных в любую погоду. В белорусской школе в военной форме ходил военрук — бывший офицер Борисов, в нашей, русской, школе — Иван Якимович, хоть офицером и не был. Овальное лицо, всегда чисто выбрит, на голове — густая черная шевелюра и чуб надо лбом. Когда с кем-нибудь разговаривал, становился сосредоточенным. Он всегда вежливо слушал собеседника, как судья. Сигарету курил, казалось, и во время обеда — так пристрастился к куреву. Долго ходил в холостяках, ждал свою суженую до сорока лет. Дождался. Взял артистичную белорусочку Галину Арсеньевну.

Все в городке знали, что Гончарик и обезьяну может заставить учить и любить математику. Иван Якимович был неподкупен и строг. Как-то разговорились мы с одноклассницей Аллой. «Не любила я его и боялась. Не хотела мучить себя этой математикой. Считала, что не мое это. Так нет же, ему обязательно нужно было тянуть меня за уши до тройки, четверки. И это несмотря на то, что мама моя работала в школе, а отец был начальником райфо. Никому не давал спуска. Долбил меня, как дятел, заставлял и после уроков решать задачи», — вспоминала Алла.

Его настырность и трудолюбие много кому помогли в жизни. Ехали наши и в Москву, и в Киев, и в Минск, поступали в технические вузы без денег и репетиторов. Сильный был математик, что и говорить. Наблюдательный и хитрый. Еще в старом здании нашей школы, которая ютилась в разных строениях, в классе седьмом или восьмом мы с другом Иваном придумали такой финт: на контрольной Иван просится выйти в туалет, который находился на школьном дворе, а через минуту прошусь и я. Мы встречаемся возле крыльца, где он передает мне шпаргалку с решением задач. Только один раз нам и удалось такое провернуть. Во второй — Иван Якимович вышел следом и наблюдал за нашей операцией. Когда мы вернулись в класс, услышали строгое: «Положите дневники и тетрадки на стол». Учителя трудно было обмануть. Ставил двойки, несмотря ни на что.

Со временем Гончарики на манер городчуков построили себе ладную хату. Иван Якимович заменил китель на костюм. Ходил он очень быстро. Никогда у чайной в компании не выпивал. Его жена мечтала стать артисткой, даже ездила после школы в Киев — поступать в театральный институт, но что-то там не сошлось, поэтому утоляла свою любовь к театру в школе — руководила драмкружком. Читали стихи, басни, ставили отрывки из пьес. Удивительно, но на все хватало свободного времени: на спорт, отдых, учебу, театр, кино, бильярд в Доме пионеров. Ивана Якимовича никогда не видели в кинотеатре. Говорили: «Прижимистый, деньги экономит». Хотя билеты были недорогими: двадцать-тридцать копеек. Не помню, чтобы когда-нибудь он болел и пропускал уроки. Со всеми был добродушным и терпеливым, но дружил только с учителями.

Сразу после выпускного вечера я уезжал в Москву на консультации. Каково же было мое удивление, когда Иван Якимович и Галина Арсеньевна пришли в седьмом часу на станцию, чтобы меня проводить, даже слезы на глаза

навернулись. Рядом были мои друзья — Ванька и Саша. Незаметно, желая счастливого пути, Иван Якимович вложил мне в ладонь червонец.

Когда мне исполнилось пятьдесят, я нашел учителя в столице и пригласил на юбилей. С того времени мы не теряли связи. Он, может, и остался бы в городке, но тесть уговорил перебраться в Минск, где у них была квартира. Какое-то время Иван Якимович преподавал математику и в минской школе. Любил что-нибудь мастерить из дерева (наверное, передалось по наследству: отец Ивана Якимовича был плотником). Галина Арсеньевна говорила, что своими руками построил дачу.

В нечастые встречи он никогда не посмеивался над моей нелюбовью к математике, над нежеланием ее изучать. Говорил: «Жора, мы с женой гордимся, что ты стал первым писателем из Давид-Городка. Дай бог тебе здоровья».

Жил скромно, бедновато, но никогда не жаловался на судьбу. Привычка много курить сыграла свою роль. В легких появилась опухоль. Тяжело умирал, спросил у жены, которая сидела у его кровати: «Когда у нас свадебный юбилей?» — «6 января». — «Жаль, не проживу я эти десять дней. Невыносимо тяжело дышать. Открой форточку». На похороны Ивана Якимовича собрались все его ученики, которые жили в это время в Минске. Среди них — талантливые инженеры-математики, которые с благодарностью вспоминали уроки уникального преподавателя из полесского городка, искреннего белоруса, который в разговоре никогда не забывал белорусскую речь.

Константин Иванович

Хороший музыкант в нашем городке в ту пору был на вес золота. На семь тысяч населения, может быть, и нашлось бы всего три специалиста. Константин Иванович играл на баяне, был самоучкой, освоил то, что мне так и не удалось сделать, обучаясь при оркестре Шепелевского. Умел читать с листа, разбирали ноты. С бумаги мог фигуры танца перенести на сцену. Роста он был выше среднего, слегка сутулился. Когда смеялся — хохотал во все горло. В здании костела (в наше время — клуб) зимой и летом было холодно. Константин Иванович носил большие, не по ноге, валенки. Растил троих детей, поэтому работал сразу в трех местах: в школе, в детском саду и в Доме культуры.

Не знаю, может, кто ему подсказал, может, он сам заметил меня, но привел на сцену и подготовил инсценировку песни, слова из которой помню до сих пор: «Ванюшенька, душенька, подвези нас», — так пели девчата, а я, сидя на табуретке как на санях, недовольно ворчал: «Не подвезу». Мне это очень нравилось. Среди слушателей сидела моя мама. Вот и первые аплодисменты ученику третьего класса... Так приучил меня Константин Иванович к сцене. И начались наши путешествия от одной сцены к другой, из деревни в деревню. Первые деньги получил от Константина Ивановича за роль Деда Мороза в детском саду. А я был маленький, худой, но брал, как говорили, игрой.

Когда в Доме культуры ближе к вечеру ожидали участников самодеятельности, мы играли с Константином Ивановичем в шашки. Когда он побеждал, что случалось едва ли не каждый раз, то радовался, как малое дитя. Никогда не ссорился с директором и не просил большей зарплаты. Второй музыкант, скрипач, иногда говорил: «Косте не хватает энергии. Будто сонный». Может, завидовал немножко неторопливому консерватору? В городке открыли музыкальную школу. Константин Иванович не пошел туда учить детей.

Из почты журнала

Уроки ушедшего мира

«Признаюсь, слишком долго я не могла решиться написать эти рассказы, несмотря на всяческие уговоры внуков. Оправдывалась: ну кому интересен монотонный уединенный быт, да еще запечатленный памятью ребенка? На самом деле слишком болезненно было ворошить дорогое и безвозвратно утраченное, делиться тем, что казалось только моим, сокровенным. Но вот, как видно, для этого настала пора», — так закончила свой чудесный очерк «Отсветы моего детства» Нина Мацевило. Конечно, для этого сейчас самая пора, Нина Ивановна, и огромное спасибо за настойчивость вашим разумным, любящим бабушку и тонко чувствующим жизнь внукам. Они понимают, что прошедшее — это корень, из которого растет будущее...

«Отсветы...» («Нёман» № 2, 2020) написаны простым, ясным языком — и это первое их достоинство, которое сразу бросается в глаза. Простота и ясность настолько вышли из моды в наше время, что иной автор, запутавшись в собственных словесных хитросплетениях, даже забывает, о чем хотел сказать. Нина Мацевило очень хорошо знает, о чем хотела сказать, но не торопится возвестить об этом открытым текстом, несмотря на внешнюю его простоту. Пусть читатель сам задумается, сравнит, оценит...

В «Отсветах...» повествуется, на первый взгляд, о самых обыденных

приметах жизни обычного довоенного хутора в Западной Беларуси. Память, как правило, навсегда сохраняет образы предметов, которые окружали нас с раннего детства, так или иначе участвовали в нашей жизни. Герои, о которых с такой нежностью рассказывает автор, сами по себе немудреные: гумно, швейная машинка, утюг, куфар... Но у каждого из них была своя важная роль в быту людей. И среди этих героев в сельском доме главной была, конечно, Печь — добрая хранительница дома. «Она кормила, согревала и объединяла семью... А уж как трудилась большая печь в праздники! Она источала вкусные запахи с утра до вечера. Дети под разными предлогами забежали на кухню и толклись возле печи, выпрашивая чего-нибудь вкусенького... Булки, пироги, печенье, куличи, сухарики... А наваристый холодец!.. А окорок, запеченный в тесте... Словом, печь моего детства напоминает мне скатерть-самобранку... Зимой печь словно примагничивала всех желающих погреться... лечила все виды простуды... обмывала, сушила белье... Долгие зимние вечера возле уютной печи располагали к разговорам...» Всякие прочие утюги-куфары тоже имели свой характер и примечательную историю, поэтому и им нашлось достойное место в детской памяти и взрослых воспоминаниях... По прочтении «Отсветов моего детства» возникает уверенность, что даже

современное дитя цивилизации (от 5 до 40 лет), выросшее с наимоднейшими гаджетами, могло бы найти интересное и полезное для себя в этой «старорежимной экзотике»...

Люди на хуторе много и тяжело трудились. Главными были полевые работы: «Мои родители пахали, сеяли, пололи, убирали урожай, заготавливали сено и солому». Затем наступал период «отдыха», когда отец для приработка шил на заказ «все и для всех», не забывая и про собственную семью, — от верхней одежды до постельного белья. Нынешние люди в большинстве своем назвали бы такую жизнь каторгой. А те, тогдашние, — нет. «Меня удивляло, — вспоминает автор, — как мои родители умудрялись не задеть цепями друг друга. Это походило на веселую игру... У меня теперь в голове не укладывается, как это моя мама, такая тонкая, небольшого роста, наравне с отцом ловко орудовала этим приспособлением. Хотя мы, дети, понимали, что у родителей тяжелая работа, но не осознавали, до какой степени, — они были тогда молодыми, крепкими и веселыми. И жизнь наша была веселой, а посильная помощь взрослым — не в тягость, а в радость».

Легко представить, как после этой цитаты иной читатель, усмехнувшись, думает: вот вам бы, писакам, воспевающим такой труд, самим помахать таким цепом — это вам не авторучка и не компьютерная мышь. Отвечаем: конечно, никто не собирается звать современного человека, как говорится, «назад в пещеры». Главное здесь не цеп или иное приспособление, а отношение к труду — неважно, учительский ли это стол с тетрадками или станок с ЧПУ... Для тех людей труд и жизнь были неделимым целым. Вероятно, в этом и есть важная доля истины? Поэтому и жизнь была веселой?..

«С раннего детства мы, я и мой брат, были вовлечены во все виды сельских работ. Это происходило естественно — мы все время находились при родителях и видели, что и как делается...» Ребенок воспринимал посильную помощь взрослым «не в тягость, а в радость». Например, когда провеиваешь семена льна, кажется, что их шелковистая густая струя так и гладит по ладошке... И как забавно чмокает маленький теленок, когда поишь его из бутылочки льняным отваром... В праздничные дни на кухне шла «большая выпечка», и детям разрешалось повозиться с тестом: «выпекали “птичек”, а потом хвастались, чья красивее»... Дядя Толя, брат отца, обучавшийся у него портняжному делу, иногда разрешал девочке доставать наметку из готовых изделий. Она гордилась его доверием и любовалась своей работой: «после удаления всех ненужных ниток изделие обретало свою элегантную строгость»...

Как здесь не пожалеть современного ребенка, которого в семье старательно оберегают от каких бы то ни было обязанностей. Скучно ему: делать нечего, учиться не хочется, читать не любит — остается беспробудно зависать у компьютера...

...Удивляет и радует отношение тогдашних людей к домашним животным, разделявшим со своими хозяевами их нелегкую жизнь. Животных жалели, о них заботились — но совсем не так, как в ином нынешнем семействе, где собачке нанимают персонального парикмахера, обряжают ее в особую одежду и кормят... тем, что нам и не снилось. В сущности, это и не животное даже, а этакое живое воплощение снобизма своих хозяев. А в той хуторской жизни с животными не сюсюкались, но в подпечке «зимой время от времени жили квартиранты — уточка с поврежденной лапой, приболевшие петушок или курочка...